

УДК 821.512.156

<https://doi.org/10.25587/2222-5404-2026-23-2-136-147>

Оригинальная научная статья

Этнопоэтика образа Горы в поэзии основоположников тувинской литературы

Т. Х. Назынчап

Тувинский государственный университет, г. Кызыл, Российская Федерация

✉ taigana82@mail.ru

Аннотация

Выявление этнопоэтической специфики художественного слова представляется необходимым при изучении литератур народов Российской Федерации для осознания их особой модели развития в XX веке, создания новой концепции в общем контексте развития традиционной культуры в эпоху модернизации. В связи с этим актуальна разработка проблемы этнопоэтики в творчестве основоположников национальной литературы как фактора, определяющего своеобразие их художественного мышления и стиля, идейно-художественной структуры произведений. Цель исследования – изучение символического образа Горы, репрезентирующего этнопоэтическую основу художественного мира в поэзии основоположников тувинской литературы. В статье изучаются поэтические произведения Степана Сарыг-оола, Сергея Пюрбю, Салчака Тамба, Василия Эренчина. Начало творческих исканий этих писателей совпало с годами становления, утверждения, развития нового социалистического строя, на время коренной ломки традиционной жизни тувинцев – исконных кочевников. Искусство письменного художественного слова в Туве развивалось в контексте становления новой общественной системы, модернизации всех сфер жизни. В работе применены сравнительно-исторический, структурно-семиотический методы, для целостного представления этнической модели мира и ее трансформации в поэзии использован также интертекстуальный подход. Основоположники тувинской литературы начали писать в годы атеизма, но несмотря на это, они сумели ненавязчиво выразить в своих произведениях золотые крупницы национальной действительности, этнического образа жизни, народного многовекового опыта. Национальная картина мира ярко выражена в стихах, посвященных малой родине поэтов. Этнопоэтический образ Горы в стихах тувинских авторов в наибольшей части является символом возрождения, жизненной силы, материнского начала. При создании символа Горы писатели часто обращаются к традициям фольклора, мифологии, укорененной в их памяти.

Ключевые слова: тувинская литература, поэзия, идейно-художественная структура, этнопоэтика, лирический герой, художественное пространство и время, интертекстуальный подход, образ-символ, архетип, художественный мир

Финансирование. Исследование не имело финансовой поддержки

Для цитирования: Назынчап Т. Х. Этнопоэтика образа Горы в поэзии основоположников тувинской литературы. *Вестник СВФУ*. 2026;23(2):136–147. DOI: <https://doi.org/10.25587/2222-5404-2026-23-2-136-147>

Original article

Ethnopoetics of the Mountain's image in the poetry of the founders of Tuvan literature

Taigana Kh. Nazynchap

Tuvan State University, Kyzyl, Russian Federation

✉ taigana82@mail.ru

Abstract

Identifying the ethnopoetic specifics of artistic expression is essential when studying the literature of the peoples of the Russian Federation to understand their unique development patterns in the 20th century and to develop a new concept within the overall context of traditional culture in the era of modernization. Therefore, it is important to explore the problem of ethnopoetics in the works of the founders of national literature as a factor determining the distinctiveness of their artistic thinking and style, as well as the ideological and artistic structure of their works. The purpose of this study is to examine the symbolic image of the Mountain, which represents the ethnopoetic foundation of the artistic world in the poetry of the founders of Tuvan literature. This article examines the poetic works of Stepan Saryg-ool, Sergei Purbyu, Salchak Tamba, and Vasily Erenchin. The beginning of these writers' creative quests coincided with the formation, consolidation, and development of the new socialist system, a time of radical upheaval in the traditional life of the Tuvans – primordially nomadic people. The art of written language in Tuva developed in the context of the emergence of a new social system and the modernization of all spheres of life. This work employs comparative-historical and structural-semiotic methods, while also employing an intertextual approach to provide a holistic presentation of the ethnic model of the world and its transformation in poetry. The founders of Tuvan literature began writing during the atheist era, yet despite this, they managed to subtly express in their works the golden nuggets of national reality, the ethnic way of life, and the people's centuries-old experience. This national worldview is vividly expressed in poems dedicated to the poets' Native Land. The ethnopoetic image of the Mountain in Tuvan poetry is largely a symbol of rebirth, vitality, and maternalism. When creating the symbol of the mountain, writers often draw on folklore and mythology ingrained in their memories.

Keywords: Tuvan literature, poetry, ideological and artistic structure, ethnopoetics, lyrical hero, artistic space and time, intertextual approach, image-symbol, archetype, artistic world

Funding. No funding was received for writing this manuscript

For citation: Nazynchap T. Kh. Ethnopoetics of the Mountain's image in the poetry of the founders of Tuvan literature. *Vestnik of NEFU*. 2026;23(2):136–147. DOI: <https://doi.org/10.25587/2222-5404-2026-23-2-136-147>

Введение

Идея этнопоэтики появилась еще в XVI в., поэт и критик Н. Буало в своем трактате «Искусство поэзии» одним из первых дал постановку данного вопроса. Он подчеркнул важность исторических особенностей и местного колорита при создании образов:

Герою своему искусно сохраните
Черты характера среди любых событий.
Его страну и век должны вы изучать:
Они на каждого кладут свою печать [1, с. 81].

В середине XX века Джек Ротенберг, Деннис Тедлок предложили новые принципы изучения поэзии американских индейцев. Предлагая термин *ethnopoetics*, авторы подразумевают этническую поэзию, которая берет свое начало в древних и автохтонных культурах и находящуюся вне западной традиции. Также их специальной задачей была реконструкция устных преданий, утраченных в бесписьменных языках, но сохранившихся в переводных записях на английском языке [2].

Изучение этнопоэтики в литературах России в настоящее время является весьма актуальным, т. к. выявление национальной специфики искусства в его частных проявлениях представляет собой важное направление в сфере гуманитарной мысли. В литературоведении XXI в. при обращении к национальным литературам России выявляется аспект этнопоэтики как способ нового осознания произведений, написанных в рамках социалистического реализма, для определения их места в истории национальной литературы. Большой вклад в развитие данного подхода в изучении региональных литератур внесли такие ученые как Г. Д. Гачев, В. М. Гацак, У. Б. Далгат, Р. Г. Бикмухаметов, С. Ж. Балданов, С. И. Гармаева, И. В. Булгутова и др. Как отмечает Г. Д. Гачев, любая национальная литература – это свой «мир-в-себе», своя «картина со своим „космо-психо-логосом“, выявляющимся через сюжеты, образы, типы героев» [3].

Искусство письменного художественного слова в Туве развивалось в контексте становления новой общественной системы, модернизации всех сфер жизни. Начало творческих исканий этих писателей совпало с годами становления, утверждения, развития социалистического строя, на время коренной ломки традиционной жизни тувинцев – исконных кочевников. В настоящей работе впервые рассматривается функционирование этнопоэтических традиций, осмыслена роль мифосознания в поэтических произведениях основоположников тувинской литературы, написанных в «новое» время.

Предметом нашей работы являются лирические произведения основоположников тувинской литературы – Степана Агбаановича Сарыг-оола, Сергея Бакизовича Пюрбю, Салчака Одекеевича Тамба, Василия Лудуповича Эренчина.

Методология работы основана на принципах сравнительно-исторического литературоведения. Структурно-семиотический метод позволяет обосновать, что глубокое чувство писателями родного языка способствует созданию к тексту этно-эстетический код, раскрывающий основу мифосознания авторов. Для целостного представления этнической модели мира и ее трансформации в поэзии необходим также интертекстуальный подход. В произведениях выявлен образ-символ Горы, который дает возможность проникнуть в корневые элементы эстетико-семиотических пластов их художественного мира.

Начало творческих исканий поэтов: контекст времени

Художнику, находящемуся у истоков национальной литературы, требовалось осознать судьбу своего народа в сложное историческое время революционных перемен, войны, мировых социальных катаклизмов. Такая же тенденция наблюдалась и в национальных литературах других регионов, исследователи бурятской литературы В. Ц. Найдаков и Г. О. Туденов отмечают: «Иногда замена только отдельных слов и стихов давала разительные результаты – такова природа устной импровизации. Например, в эхорных песнях и частушках обновление одних припевов поднимало идейно-политический уровень всего цикла» [4, с. 132].

Но национальное «художественное мышление развивалось под воздействием богатейшего фольклора... Сходство наблюдается в том, что в фольклоре народов Сибири всегда дается целый сонм образов из мира природы, из космических и

земных явлений, сходство видится в композиционных приемах, в самой концепции, в характере исполнения и в целом во всей структуре произведений» [5, с. 147].

Исследователь тувинской литературы Д. С. Куулар пишет: «сочетая повествовательные разговорные и песенные элементы стихосложения, творчески синтезируя формы, интонации устного поэтического творчества, а также русской поэзии и поэзии других национальностей, тувинская письменная поэзия постепенно приобретает черты самостоятельного литературного жанра» [6, с. 21].

Национальное в художественном мире конкретного писателя определяется в первую очередь его восприятием народной жизни, движением его мысли по орбите древности и современности. Художественный принцип отбора писателем народных традиций, воспроизведение этнической модели мира раскрывают своеобразие его национального творческого мышления. Национальное – это «взгляд на мир глазами своего народа» [7, с. 34]. Чем национальное видение самобытнее, как пишет Ю. Б. Борев, тем больше оно «имеет в себе драгоценной, неповторимой и никем не заменимой общезначимой художественной информации и опыта отношений. Но оно одновременно тем общезначимее, тем ценнее, ... чем более тесно национально-самобытное смыкается с общечеловеческим, интернациональным» [8, с. 48]. Также М. М. Бахтин, отвергая мысль Шпенглера о замкнутых и завершенных культурных мирах, говорит, что «единство определенной культуры – это открытое единство» [9, с. 506]. Следовательно, чем глубже литературное произведение впитывает в себя духовные ценности отдельно взятого народа, тем более оно выступает общезначимым, интернациональным.

В основе национального мировидения лежат осмысление народом Вселенной, самоориентация человека в ее категориях пространства и времени, отношение его к окружающей природе, следовательно, – результат многовекового опыта народа, отразивший самобытность духовного, исторического развития этноса, этно-психологический склад мышления, что определяет неповторимость его культурных традиций. А эти самые абсолютные идеи порождают собственно искусство.

Основоположники тувинской литературы сумели выразить национальную действительность, этнический образ жизни. Национальная картина мира ярко выражена в стихах поэтов о малой родине.

Образ-символ горы в поэзии Степана Сарыг-оола

Этнопоэтика образа малой родины в стихах основоположников тувинской литературы ярко выражена через символические образы *Гор*. Гора неотделима от образа родной земли, она как священное вертикальное пространство встречается в поэзии С. Сарыг-оола, С. Пюрбю, С. Тамба, В. Эренчина и других. В поэзии Степана Сарыг-оола, народного писателя Тувы, особое место занимают стихи, посвященные образу земли, где он родился и вырос. Особой теплотой и любовью к родной земле выделяются такие стихи автора, как «Дус-Даг» («Дус-Даг»), «Торгалыымны» («Мой Торгалыг»), «Байлак, чараш Хандагайтым» («Мой благодатный, красивый Хандагайты»), «Кожай биле Торгалыг» («Кожай и Торгалыг»), «Тандының суу» («Вода Танды»), «Дыт» («Лиственница»). Образ родной Тувы представлен в стихах «Бай-ла Хемчиим» («Мой богатый Хемчик»), «Чагытай» («Чагытай»), «Улуг-Хемниң оглу мен» («Я сын Улуг-Хема»), «Ынак черим» («Любимый мой край»), «Байлак чуртум» («Моя благодатная родина»), «Чагытай» («Чагытай»), «Чадаананың сады» («Сад Чадааны»), «Даартагы Кызыл» («Завтрашний Кызыл»). Лирический герой прославляет и свою Отчизну, Родину, он горд, что является частью большой семьи Советского Союза: «Совет эвилелиниң хамаатызы мен» («Я гражданин Советского Союза»), «Москвамга» («Моей Москве»), «Советтиг Тыва» («Советская Тува»).

Высокие скалистые горы, хребты изображены как живые – с душой, чувствами, эмоциями. Например, С. Сарыг-оол так олицетворяет образ Горы в стихотворении «Тандының суу» («Вода Танды»):

Хадак булут баштаңгылыг, ногаан тоннуг,
Каан дээрде тейи дегген Кадын сыннын
Хөңнү чазык — хүлүмзүргей шырай-арны,
Көрүнчүкке көрдүнгөн дег, тода дүшкен ... [10, с. 14].
(В зеленом халате и с фатой как белый кадак,
Вершины горы Кадын касаются ясных небес,
Ее (горы) душа добрая, лик улыбчивый,
Она глядела в речную даль – как в себя в зеркало).

Здесь гора ассоциируется с женским образом Кадын из народного эпоса. Она как прекрасная невеста в свадебном образе, и не в обычной фате – фата отождествляется с сакральным образом хадак. И душа ее добрая – лирический герой восхищается ее ликом, улыбкой. Образ-символ Гор у тувинского народа традиционно является символом возрождения, материнского начала. Так, легенда о волчице, родоначальнице тюрков, гласит, что волчица находит убежище именно в горах Алтая и там, в пещере, рождает своих сыновей.

Еще одним произведением, репрезентирующим этнопоэтику образа Гор С. Сарыг-оола является стихотворение «Дагның оглу» («Сын гор»).

Кашпал хемнер чурттуг болгаш,
Хая-дашка ынаам хөлчөк.
Огжам шораан көргенимде,
Омаам хайныр, сеткил сергээр [11].
(Люблю я крутые скалы и горы,
Быть может, потому что был рожден в ущелье.
Когда вижу скалистую гору (отвесную)
Дух поднимается, вдохновение приходит).

Поэт передает эстетику сверхчувственных представлений лирического героя. Горы – один из сокровенных, родных и близких к сердцу истоков, который дает энергию, вдохновение. Сарыг-оол родился и вырос среди гор Өвүр, так внешний мир остался, запечатлелся в его памяти картиной высоких гор.

Көшке дамчып, хорум кырлап,
Көрбөс, барбас черим ховар.
Аң-мең изи, турлаа туржук
Ада-өгбөм изин көөр мен [11].
(По камням, обвалам гор
(повсюду) бываю там, влекут меня горы
Следов звериных прочитав узор
Вижу там даже следы моих предков).

Образ-символ Горы в этих строках регенерирует память предшествующих поколений и имеет иконические элементы архаики. Топос Гор часто встречается также в прозаических произведениях Сарыг-оола. Он «предстает как сакральное место спасения, убежища. Например, после посещения могилы матери от страха, духовного изнеможения Ангыр-оол ищет убежище в горах» [12, с. 61].

Внутренняя одухотворенность героя насквозь пронизывает весь текст стихотворения. На вершине горы лирический герой любит красоту родных простор, его охватывает чувство гордости, свободы. Он един с природой, в горах ему приходит прилив сил:

Кашпал дүүндөн өрү көөр мен.
Хартыгага адааргаар мен.
Эңгиведен куду харааш,

Эзир ышкаш чоргаар ийик мен [11].
 (Смотрю на вершины древних гор
 Любуюсь как парит сокол.
 Взбираюсь по крутизне нередко –
 Горд я как свободный орел).

Высота, обращенная в небеса, солнце, луну имеет, по представлению лирического героя, сверхъестественность, мощь, силу, таинство. Образ сокола символизирует храбрость, ум, ловкость. Подобно соколу герой устремлен в движение, он открыт новым горизонтам и знаниям. Из биобиблиографических данных известно, что С. Сарыг-оол – мальчик, ставший в раннем детстве сиротой, скитался по разным аалам, прошел много испытаний на своем пути. И он подобно соколу в выше приведенном примере, храбр, оптимистичен, никогда не терял и не расставался с любовью к жизни, с верой в хорошее, он был «воином» на поле трудностей в его жизни и истории, и как результат – он стал народным писателем, чьи произведения, в которых запечатлена его любовь к родной земле, переведены на многие языки.

«Эзир ышкаш чоргаар ийик мен» («горд я как свободный орел») – в этой строке показана самоидентификация героя – он неотделим от природы родной земли, видит себя частью, земля – это его мать, дом, вселенная. Тут орел символизирует родину, справедливость и свободу, которая необходима каждому человеку, особенно потомку кочевника.

В этих произведениях образ орла мифичен, орел – «... символ небесной (солнечной) силы, огня и бессмертия» а также один из «символов богов и их посланец» [13, с. 258]. Стихотворение написано в 1972 году, в более поздний период творчества писателя образ орла, сравнение лирического героя с орлом приобретают значение мудрости.

Символический образ Горы в стихах о малой родине Сергея Пюрбю

Образ Горы как этнопоэтический символ интерпретируется также в поэзии народного писателя Тувы, одного из основоположников национальной литературы – Сергея Бакизовича Пюрбю. Первый председатель Союза писателей ТНР, талантливый певец своего народа, земли, основоположник тувинского литературоведения С. Пюрбю родился в местечке Эжжиг Бээзи кожууна Танну-Тувы (ныне Улуг-Хемского кожууна РТ). Его творчество (лиро-эпические, прозаические, драматические произведения) завоевало любовь, признание читателей и критиков тувинской литературы. Но именно изучению его стихотворений о малой родине посвящено мало работ, нет исследований, раскрывающих этноэстетическую основу его художественных воззрений в стихах о малой родине.

В стихотворении «Кара-Суг» С. Пюрбю образ Горы, так же и как выше в проанализированном произведении С. Сарыг-оола, перекликается с образом орла, что свидетельствует о мифопоэтических корнях художественного мышления.

Кара эзир хонгаш,
 бараан хараар
 Кадыр туруг баарынга
 Чокпак кара,
 ыштыг
 самдар өгге
 Чолдак кадай мени төрөөн [14, с. 59].
 (У черного, скалистого утеса
 Куда прилетал черный орел (обозревал сверху)
 В бедной,
 ветхой юрте
 Меня родила женщина невысокая).

Рождение человека, мать, скалистый утес, юрта – эти образы по-особенному передают сакральность мировосприятия. Как сказитель эпоса, лирический герой не спеша, немногословно рассказывает о своих самых сокровенных святынях – о начале начал. Раньше в народе говорили «кончуг эр хая баарынга төрүттүнер, хая баарынга өлүр» («настоящий (сильный духом и телом) мужчина рождается у горы, уходит в иной мир у горы»). Для кочевников Гора – это не только природа, но и часть жизни, души.

В стихотворении автора мать и родная земля представлены как две сокровенные ценности. Писатель рано простился со своим самым близким человеком – матерью, в тексте чувствуется чистая, сильная любовь сына к матери, его переживания и сожаления. Свою любовь, которую он не мог передать маме при жизни, он дарит родной земле:

Авамга
мээң
чедир илеретпээн
Артып калган ынакшылым
Дөгerezин
чүрээм ханызындан,
Төрээн черим,
сеңээ берейн [10, с. 32].
(И всю любовь,
что передать не мог
я своей матери,
От глубины
сердца моего
Несу тебе, мой край родной!).

Образы матери, места, где он родился, скалистого ущелья, юрты и орла в стихотворении С. Пюрбю этнопоэтичны и архетипичны. Лирический герой ассоциируется с главными героями народных сказок, которые рождаются в ветхом жилище (юрта, чадыр) и имеют тотем – часто мифическую птицу.

Глубинный эстетический смысл стихотворения С. Пюрбю «Мөңгүн-Тайга» также достигается образом-символом Горы, при интерпретации которого прослеживается единение человека и природы. Лирический герой одухотворяется силой таежной красоты, поклоняется Мөңгүн-Тайге:

Мөңгүн ышкаш чайыннанып чырып ойнаан
Мөңге меңги чанын орта үнүп келдим.
Арыг салгын сырыннары, ошкаан ышкаш,
Арным суйбап, хөрээм долуп, уткуп алды [14, с. 68].
(Я поднялся, стою у вечных ледников,
сияющих, сверкающих словно серебро.
Свежий ветерок, будто поцеловав мое лицо,
Встретил меня, наполнив мне грудь).

Топоним буквально переводится как «Серебряная тайга», автор трепетно передает в своем стихотворении ее величие и благородство. Лирический герой естественно и ощутимо созерцает неопишемую красоту гор.

Олча тепкен кара эзир дүп чок ханы
Ойну өрү далаш чокка ужуп келгеш,
Туман-биле, богаа ышкаш, орааттыган
Туруг хая хөрээнде кээп, хонуп алды [14, с. 68].
(Чернокрылый орел со своей добычей (в когтях)
Над глубоким ущельем неспеша проплыл.

И сел наверху скалистого ущелья,
Укутавшегося как мех туманом).

Священное вертикальное пространство, соединяющее Небо и Землю, символизирует глубокое духовное начало. Символический образ Гор в поэзии С. Пюрбю объединяет профанный и сакральный миры. В поэзии писателя Горы как обиталище небесных и тотемических прародителей выступают в качестве священного воплощения.

Өртемчейде мөңгө чүве турар эвес:
Өзүп төрүүр, элөп кырыыр, өлүп чидер,
Мөңгүн-Тайгам кайгап ханмас чараш, чаагай,
Мөңгө чалыы кылаңайнып хевээр турар [10, с. 30].
(В мире все минует, меняется:
Цветет, размножается, исчезает, уходит.
Но неописуемая, благодатная красота Мөңгүн-Тайги
Вечно будет сверкать, не пройдет никогда!).

Временные аспекты раскрываются в романе пространственными категориями, «пространство осмысливается и соизмеряется временем» [15, с. 10]. Следовательно, образ-топос Гор как показатель вечности связывает связь поколений и времен.

Жизнеутверждающий пафос философского подтекста близок также и произведениям устного народного творчества. Пюрбю удалось в своем стихотворении показать чувство человека, всем сердцем любящего родную землю. Серебряная тайга, горы тут представлены как центральный образ священного вертикального пространства, она и вечность.

Изобразительно-выразительные средства, сравнения, ставшие традиционными, образуют национальное своеобразие:

Мөңгө харнын дамдылары чырык хүнде,
Мөңгүн суу дег, мөндүңейнип бадып турду [14, с. 69].
(Капельки вечных родников на лучиках солнца
Всплескивая, стекают словно ртуть).

Среди стихов, посвященных родной земле, видное место занимает произведение С. Пюрбю «Тывамга» («Моей Туве»), где образу Горы характерно духовное, интуитивное начало.

Кижы кылбаан,
чайын, кыжын уштунмас,
Хилиң ышкаш, арга-биле шугланган,
Кылчаң баштан
булут-бөргү ыравас
Кырган Саян кырын
эргип көргөн мен [10, с. 24].
(Первозданным, летом, зимой несменным
Шелковым лесом одетый (накрытый)
Где не сходят шапки-тучи с лысой головы
На Саяне древнем побывал).

В следующих строках лирический герой воспекает неповторимую красоту природы других уголков Родины – Советского Союза. Изображает как прекрасны просторы Сибири, словно дивным мастером сотканы, пишет, как в Узбекистане и Украине солнце лечит лучше, чем лекарства, как пшеничные моря колышутся у ног Днепра. А Москва для лирического героя – сердцу дорогой аал, туда он как сын приезжал. Так автор показывает образ Отчизны, родины и эти строки пронизаны духом интернациональной дружбы народов. Стихотворение начинается и завершается словами любви к родной земле, везде, во всех краях Родины, где

он побывал – красиво, уютно, но есть одна несравненная, единственная земля: в последней строфе перед читателем снова предстает образ малой родины, она осознается «единственной частицей» его жизни:

Ажай-буурул
ак-көк,
бедик даглары,
Аржаан ышкаш,
арыг,
шапкын хемнери,
Артыш,
чойган,
агы-каңгы —
шуптузу
Амы-тыным
болган боорга,
ындыг мен) [14, с. 26].
(Древние, седые, голубые высокие горы,
Быстрые, чистые как родники реки,
Можжевельник, пихта, каменная полынь моей родной земли
все это и моя жизнь, поэтому я так сильно люблю).

Так, в поэзии С. Пюрбю выразительны и лиричны стихи о малой родине, этнопоэтическое своеобразие которых выражается и образом Гор.

Образ горы в стихах Салчака Тамба, Василия Эренчина

Образ Гор также представлен в стихах Салчака Ооекевича Тамба – одного из основоположников, известного в народе произведением «Доңгада кадык» («Каша в кувшине»). Салчак Тамба родился в местечке Оштан Каа-Хемском кожууна. Автор воспекает свою малую родину в стихотворении «Дерзиг» (название местности), в котором также важное место отводится образу Горы:

Каа-Хем, Тожу аразында
Харлыг сыннар колдуундан бээр
Чара, диле чүткүп баткан
Шапкын суглуг Дерзиг хемнин
Ханалары – кадыр даглар,
Каасталгазы – эзим-арга [16, с. 56].
(Между Каа-Хем и Тожу
От ледников снежных хребтов
горы взрезала, забушевала,
быстротечная река Дерзиг.
Ее стены – высокие горы,
Украшают леса и тайга).

Горы, окружающая его природа дают ему вдохновение, он ощущает себя в полной гармонии, где он может быть с самим собой. Гармония – это и есть обретение себя в пространстве и во времени универсума. Как известно, в мифологическом сознании «главная цель – поддержание гармонии личного, общественного, природного, поддержка и контроль социального и космического порядка» [17, с. 5–6].

Автор олицетворяет явления природы, что вызывает ассоциацию с песенными традициями народа. В стихотворении «Буурул Танды тейи чүге...» («Почему верховье древнего Танды...») напоминает читателю тувинские частушки:

Буурул Танды тейи чүге
Булут эштип, ширииннелди?
Шуушкан булут көжүп чоруур

Суггур чайыын төгөр дээн бе? [16, с. 91].

(Почему же вершина древнего Танды

Одел туман и посуровел?

Кочующийся караван облаков

Неужели прольет проливной дождь?).

И пример частушки:

Булуттавас мунгаш Ишкин

Булуттай бээр апарган бе?

Мунгаравас мээн эжим

Мунгарай бээр апарган бе? [18, с. 28].

(Не затягивающаяся облаками Ишкин

Стала облачной сейчас?

Не поддающаяся тоске моя подруга

Стала тосковать сейчас?).

К стихотворениям о малой родине Салчака Тамба, изображающим высоту и величие местных гор также относятся такие стихи, как «Бистиң черге» («В нашей земле»), «Амыдырал хеми» («Река жизни»), «Дагдан кежир харап көөргө» («С высоты горы созерцаю»).

Образ Горы также по-своему представлен в стихотворениях одного из первых писателей тувинской литературы Василия Эренчина, земляка Тамба. Он родился в местечке Хады Салчак-хошуна Танну-Тува (ныне Каа-Хемского кожууна РТ). Лирический герой любит красивый пейзажем, богатой природой Каа-Хема, Бурен-Хема, где провел свое детство и юность.

Арбын малга чемиш болган

Агы-каңгы чытталып кээр

Казылганныг Кара-Хая

Кажан шагдан чуртум-дур сен [19, с. 42].

(Огромному стаду дающий корм,

благоухающий полынью каменной

Кара-Хая (Черная-Скала), богатая ягодами (кизильником)

Издавна ты моя родная земля).

Конкретно-топографические детали, бытовые реалии тувинцев-скотоводов переплетаются здесь с духовно-эстетическими воззрениями героя. Обращение автора к образу, например, полыни, сохраняет конкретность образов, усиливает лиричность стихотворения «Кара-Хая».

Хая көргөн аргалары

Хамык аңның турлаа болган.

Кара-Хая! Көвей малдың

Кадат-хавыт одары сен [19, с. 42].

(В твоих тайге и лесах

Обитают, живут множество зверей.

Кара-Хая! Ты бесчисленного скота

Пастбище с сочной травой).

Эпитеты, сравнения, простота которых напоминают традиции устного народного творчества, что придает стихотворению национальный колорит.

Кара-Хая кадыр мээзин

Каастап ыттар колхоз сүрүү

Хөвөң ышкаш аккыр булут

Көжүп-чылып турганы-ла [19, с. 43].

(Солнечную сторону крутого Кара-Хая

Украшает стадо колхоза.

Они как белоснежные пушистые облака
Словно кочуют неспеша).

Образ «Казылганныг кара хая» – топос черной скалы, богатой кустарниками, ягодами (кизилником) встречается также в лирическом произведении «Кадарчы уруг» («Пастушка»).

Заключение

Итак, можно констатировать, что в силу требований своего времени, сложившихся культурно-исторических ситуаций в республике, писатели-основоположники тувинской литературы больше уделяли внимание новой жизни, в которой почти не оставалось места традиционным, национальным ценностям – «пережиткам прошлого». В количественном плане преобладали стихи, посвященные и прославляющие новый строй в обществе, нововведения в жизни народа, но все же писатели смогли передать искренние, истинные чувства любви к своей малой родине

Проанализировав художественное воплощение образа Горы в стихотворениях основоположников тувинской литературы, можно сделать вывод, что произведения авторов созвучны в создании красоты таежных Гор, в которых лирический герой получает энергию, вдохновение. Поэты, воспевая Горы, у которых родились и выросли, передают абстрактные понятия о жизни, мироздании. При этом они часто обращаются к традициям фольклора, мифологии, укорененной в их памяти.

Л и т е р а т у р а / References

1. Буало Н. *Поэтическое искусство*. Москва: Изд-во Гослитиздат; 1957:231.
Boileau N. *The Art of Poetry*. Moscow: Goslitizdat Publishing House; 1957:231 (in Russ.).
2. Tedlock D. *Ethnopoetics*. Available at: <http://writing.upenn.edu/epe/authors/tedlock/syllabi/ethnopoetics.html> [Accessed 15 December 2025].
3. Гачев Г.Д. *Космо-Психо-Логос: Национальные образы мира*. Москва: Академический проект; 2020:511.
Gachev GD. *Cosmo-Psycho-Logs: National Images of the World*. Moscow: Academicheskyy Proekt; 2020:511 (in Russ.).
4. История бурятской литературы: 1917–1955 гг. Ч.1. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН; 1995:256.
History of Buryat Literature: 1917–1955. Part 1. Ulan-Ude: BSC SB RAS; 1995:256 (in Russ.).
5. Балданов С.Ж. Общность национальных литератур Сибири. *Взаимодействие литератур народов Сибири*. Новосибирск: Наука, Сибирское отделение; 1983:272.
Baldanov SZh. Commonality of National Literatures of Siberia. *Interaction of Literatures of the Peoples of Siberia*. Novosibirsk: Nauka, Siberian Branch; 1983:272 (in Russ.).
6. Куулар Д.С. *Тувинская поэзия*. Кызыл: Тувинское книжное изд-во; 1970:140.
Kuular DS. *Tuvan poetry*. Kyzyl: Tuvan book publishing house; 1970:140 (in Russ.).
7. Гоголь Н.В. *Собрание сочинений*. Т. VI. Москва: Гослитиздат; 1950:360.
Gogol NV. *Collected works*. Vol.6. Moscow: Goslitizdat; 1950:360 (in Russ.).
8. Боров Ю.Б. Личность – нация – человечество. *Национальное и интернациональное в советской литературе*. Москва: Наука; 1971:117.
Borev YuB. Personality – nation – humanity. *National and international in Soviet literature*. Moscow: Nauka; 1971:117 (in Russ.).
9. Бахтин М.М. *Литературно-критические статьи*. Москва: Худож. литература; 1995:506.
Bakhtin MM. *Literary critical articles*. Moscow: Khudozh. Literature; 1995:506 (in Russ.).
10. Антология тувинской поэзии. Сост. Н.Ш. Куулар. Кызыл: Правник+, 2014:461 (на тув. и рус.яз).
Anthology of Tuvan poetry. Comp. NSh. Kuular. Kyzyl: Pravnik+; 2014:461 (in Tuvan and Russian).

11. ГБУ «Национальный музей имени Алдан-Маадыр Республики Тыва». Фонд «Документально-письменные источники», архив С.А. Сарыг-оола. НМРТ КП-11316/87. Топография: Фондохранилище 3, Стеллаж 5, полка 3, папка 10.

State Budgetary Institution "Aldan-Maadyr National Museum of the Republic of Tuva." Collection "Documentary and Written Sources," S.A. Saryg-ool Archive. NMRT KP-11316/87. Topography: Storage Facility 3, Rack 5, Shelf 3, Folder 10 (in Tuvan).

12. Очур Т.Х. Этнопоэтическое своеобразие прозы С. Сарыг-оола: Дис. ... канд. филол. наук. Улан-Удэ: 2008:191.

Ochur TKh. Ethnopoetic originality of S. Saryg-ool's prose: Candidate's dissertation (Philology). Ulan-Ude: 2008:191 (in Russ.).

13. Мифы народов мира. Москва: Советская энциклопедия; 1982:672.

Myths of the peoples of the world. Moscow: Soviet Encyclopedia; 1982:672 (in Russ.).

14. Пюрбю С.Б. *Чогаалдар чыындызы*. Кызыл: Тувинское книжное изд-во; 1973:613 (на тув. яз.).

Purby SB. *Collected works*. Kyzyl: Tuvan book publishing house; 1973:613 (in Tuvan).

15. Бахтин М.М. *Эпос и роман*. Санкт-Петербург: Азбука; 2000:302.

Bakhtin MM. *Epic and novel*. St. Petersburg: Azbuka; 2000:302 (in Russ.).

16. Тамба С.О. *Чоннуң үнү*. Кызыл: Тувинское книжное изд-во; 1968:133 (на тув. яз.).

Tamba SO. *Voice of the people*. Kyzyl: Tuvan book publishing house; 1968:133 (in Tuvan).

17. Мелетинский Е.М. *От мифа к литературе*. Москва: Изд-во РГГУ; 2000:170.

Meletinsky EM. *From myth to literature*. Moscow: Publishing house of the Russian State University for the Humanities; 2000:170 (in Russ.).

18. Тыва кожамыктар. Сост. Ю.Ш. Кюнзегеш. Кызыл: Республиканская типография; 2005:192 (на тув. яз.).

Tuvan ditties. Comp. YuSh. Künzegesh. Kyzyl: Republican Printing House; 2005:192 (in Tuvan).

19. Эренчин В.Л. *Чырык орук*. Кызыл: Тувинское книжное изд-во; 1977:90 (на тув. яз.).

Erenchin VL. *Bright path*. Kyzyl: Tuvan book publishing house; 1977:90 (in Tuvan).

Сведения об авторе

НАЗЫНЧАП Тайгана Хертековна – к. филол. н., доцент, ФГБОУ ВО «Тувинский государственный университет», Кызыл, Российская Федерация, <https://orcid.org/0000-0001-6538-7099>, Research ID: ННМ-9863-2022, e-mail: taigana82@mail.ru

About the author

Taigana Kh. NAZYNCHAP – Cand. Sci. (Philology), Associate Professor, Tuvan State University, Kyzyl, Russian Federation, <https://orcid.org/0000-0001-6538-7099>, Research ID: ННМ-9863-2022, e-mail: taigana82@mail.ru

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

Conflict of interests

The author declares no relevant conflict of interest

Поступила в редакцию / Submitted 12.03.2026

Поступила после рецензирования / Revised 03.04.2026

Принята к публикации / Accepted 13.04.2026